Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Сергей Лебедев: «Белые пятна» в русской литературе XXI века – о чем мы не писали | Sergueï Lebedev : « Les taches blanches dans la littérature russe du XXIe siècle – ce dont nous n’avons pas parlé »

Author: НГ, Женева , 29.03.2023.

Писатель Сергей Лебедев Photo © Nashagazeta

Живущий в Берлине российский писатель выступил с лекцией на Русском кружке Женевского университета.

|

L’écrivain russe établi en Allemagne a donné une conférence dans le cadre du Cercle russe de l’Université de Genève.

Sergueï Lebedev : « Les taches blanches dans la littérature russe du XXIe siècle – ce dont nous n’avons pas parlé »

Наша Газета познакомила вам с Сергеем Лебедевым летом прошлого года в связи с выходом во французском переводе его пятого по счету романа – «Дебютант». Но познакомиться с ним лично удалось только на прошлой неделе, когда Сергей приехал в Женеву. Главной его целью было участие в работе Женевской книжной ярмарки, но очень приятно, что нашлось время и для выступления на Русском кружке Женевского университета, с которым Нашу Газету связывают давние дружеские и партнерские отношения.

Тему, на которую рассуждал Сергей Лебедев, он предложил сам и сам же назвал ее странной, ведь обычно говорят о написанном, а не наоборот. «Но в контексте войны наши труды последних тридцати лет предстают в особенном свете, и видишь скорее то, что было не сделано», сказал он в кратком вступлении, сразу причислив себя к тем, кто не сделал, и признав, что даже сделанное вряд ли могло бы спасти от

случившегося. Среди не сделанного он особо выделил отсутствие значимой литературы о чеченской войне.

Предлагаем вашему вниманию выдержки из этого выступления, которое о многом заставляет задуматься.

24 февраля 2022 года, когда открытая война стала для либеральной части российской общественности шоком, когда люди стали задаваться вопросом о том, как же российские солдаты способны на такое, для тех, кто хорошо помнил историю последних тридцати лет, эти вопросы были удивительны, потому что как минимум десять лет мы прожили в стране, где с 1994 года шла война в Чечне – с активными фазами, с затишьями, но война. Не менее страшная, чем сейчас на Украине. С сотнями тысячами беженцев, с теми же воинскими тактиками, с инфильтрационными пунктами, со всеми жестокостями. Удивительным образом эта война фактически миновала российскую культуру и литературу в их высоком измерении, массовая же культура на ней паразитировала. Из имен первого ряда можно вспомнить только Владимира Маканина с его романом «Асан» и повестью «Кавказский пленный».

Почему так получилось? Говорили, что нужна дистанция, нужно время, чтобы события отстоялись. Время шло, а тексты не появлялись. В конце 2021 года, за несколько месяцев до открытого вторжения России в Украину, российский онлайн журнал «Полка», один из главных ресурсов по литературе, собрал около 40 ведущих литературных критиков и экспертов и задал им задачу назвать сто самых лучших книг, написанных на русском языке в 21 веке, любых жанров. Сто книг – это много, это ковчег, куда должно поместиться все. Книг Анны Политковской в получившемся списке не оказалось, они были сознательно или подсознательно исключены из сферы обсуждаемого. Это – круговая порука, отказ обсуждать тему чеченской войны и ответственности за нее как существенную для российской культуры. И это же – отправная точка для дальнейшего рассуждения о том, что с нами произошло.

Каждый объясняет свое личное молчание по-своему. Но общий, структурный ответ заставляет взглянуть на культуру и на литературу иначе. Литература 19 века ясно реагировала на действительность почти в режиме онлайн. Достоевский начал писать «Бесов», едва закончился процесс Нечаева и его товарищей. Он был способен увидеть в этом деле об убийстве студента Иванова *perpetuum mobile* революционного насилия, которое потом сожрет Россию. То же можно сказать о текстах Толстого, Чехова, Леонида Андреева. У писателей 19 века не было сомнений в праве на моральное суждение. Не на обличение, не на осуждение, но на этическую оценку. Сегодняшняя российская культура от этического суждения воздерживается, придерживаясь позиции «не нам судить».

Последние тридцать лет мы прожили, избегая нескольких ключевых для российской культуры тем. И это касается не только литературы.

Первая – это тема ответственности за преступления советского государства и советского режима. Получилась такая картина. Существуют миллионы официально признанных жертв политических репрессий. Существует гораздо менее четкое определение самих совершенных преступлений. Вопрос об ответственности толком никогда не был поставлен. То есть на сцене отсутствует очень важный герой – злодей, преступник. Речь не только о сталинском периоде. Даже диссиденты 1960-х и 1970-х годов, за редчайшим исключением вроде Константина Азадовского и Владимира Войновича, никогда не пытались добиться справедливости даже в

отношении самих себя. Здесь мы наблюдаем огромное противоречие с ситуацией в Восточной Германией, где диссиденты стали движущей силой расчета с прошлым под лозунгом «Свободу моему досье!» в 1989 году. Западные немцы с этим разбираться не хотели. В России этот сюжет был закопан, а линия партии во время перестройки была четкой: разговоры о жертвах – да, но о конкретных следователях – нет. И мы с этим согласились.

Преступления двух чеченских войн хорошо задокументированы, достаточно почитать отчеты Human Rights Watch. Живы многие среди тех, кто отдавал приказы, и кто их исполнял. Но российская оппозиция не ставила вопрос об ответственности на повестку дня. В отсутствие этого обсуждения обществом 24 февраля 2022 года мы оказались в чудовищной ловушке: не было никакого готового дискурса. Мы оказались в ситуации безмолвия.

Почему война, как худшее из зол и преступлений, оказалась за бортом российской литературы? Причиной может быть усталость от серьезных тем. Причиной может быть страх – судьба Анны Политковской тому подтверждение, хотя нынешнее государство телевизора гораздо меньше озабочено художественной литературой, чем советская власть. Причиной может быть подход по принципу «само рассосется» и отсутствие мотивации к солидарным действиям. В результате привычка к недуманью привела к свыканию с насилием и к нынешней неготовности встретить зло лицом к лицу. Мы свыклись с авторитарным режимом и не считали наши проблемы фатальными. Только Политковская с самого начала кричала «Волки!!». Ее называли кликушей. Война не была популярной, Ельцин ее тащил, и все с ней свыклись. Попытка объявить Ельцину импичмент провалилась. Природа свыкания с насилием – та площадь, где должна действовать литература. Слыша разговоры о запрете русской культуры, хотелось бы, чтобы эта культура честно посмотрела на себя и спросила бы себя, чем она занималась последние тридцать лет.

Вторая тема, которой старались и стараются избегать, - о советском наследии как таковом, которое продолжает жить в нас. Сегодняшняя российская пропаганда об украинских злодеях, которые хотят разрушить Россию, не нова; это старый дискурс сталинской национальной политики, когда украинский национализм был объявлен угрозой целостности Советского союза. Смотря сегодня телевизор, россиянин попадает в ту вселенную, где он уже побывал.

Самый страшный урок – о цене человеческой жизни – не был нами выучен. Это понимаешь, оказавшись на севере России или в Сибири и увидев останки лагерей. Многие умершие там люди так там и остались, они не были похоронены, они остались вне истории. Есть большая Россия живых, в которой представлена сталинская эпоха, и есть Россия мертвых, брошенная на Севере без поминовения. Очень редки примеры работы с такими местами, ярчайший из них – карельский историк Гулага Юрий Дмитриев, один из составителей и издатель книг памяти жертв политических репрессий 1930-1940-х годов в Карелии и материалов по истории строительства Беломорско-Балтийского канала и организатор экспедиций, обнаруживших и исследовавших места захоронения жертв политических репрессий в Сандармохе и Красном бору. В Сандармохе лежат люди 59 или 60 национальностей, и Дмитриев начал приходить в диаспоры в Петрозаводске и говорить им – там ваш! Таежный лес стал постепенно превращаться в лес памятников, туда начали приезжать люди и вешать личные таблички. Это был уникальный проект, трагический памятник, в частности, отношениям СССР и Украины, поскольку там лежат около 250 ярчайших украинских писателей, поэтов, художников, тех, кого в

украинской традиции называют «расстрелянным Возрождением». В Сандармохе стоит огромный поминальный крест с надписью «Убиенным сынам Украины». Вы понимаете, какое значение этот памятник получил после 2014 года? Дмитриев отбывает сейчас 15-летний срок по сфабрикованному делу. Память исчезает с уходом тех, кто ее хранит. Обществом было сделано крайне мало для ее сохранения, отсутствие проведенного ритуала захоронения – это наш огромный грех, который непонятно, как восполнять.

Литература пошла по простому пути исторической беллетристики – «Обитель» Прилепина, «Зулейха открывает глаза» Яхиной. Важнейшей задачей российской литературы было проследить, как этот опыт передается в поколениях, ведь знаменитая лагерная проза (Солженицын, Шаламов) заканчивается на том моменте, когда человек выходит из лагеря. Литература не поинтересовалась, что происходит с ним потом. Важнейшая задача выполнена не была, российская литература осталась без длинной исторической оптики. Нельзя забывать, что у России, которую мы потеряли в 1917 году, были свои чудовищные грехи, которые также перешли к нам по наследству. Если у российской культуры есть будущее, то оно предполагает видение большой исторической дистанции именно в ее повторяемости, именно в том, что совершенно страшным образом мы все это уже проходили. Писать об исторической графомании очень сложно, но это то дело, которое нам всем предстоит.

русские

Статьи по теме
Сергей Лебедев: «Мы возвращаемся в эпоху большого молчания»

Source URL:
https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/sergei-lebedev-belye-pyatna-v-russkoi-literature-xxi-veka-o-chem-my-ne